

А. А. Лукина

ЯЗЫКОВЫЕ КОНТАКТЫ И ФОНЕТИЧЕСКИЕ БАЛКАНИЗМЫ

При формировании балканского языкового союза основную роль играло личное многоязычие населения балканского полуострова. Для обеспечения успешной коммуникации в ситуации многоязыкового общения в балканских языках были выработаны общие модели, реализованные на разном языковом материале. В частности, в фонетике это привело к появлению целого ряда «отрицательных» балканизмов.

Балканский языковой союз является классическим примером языкового союза, поскольку входящие в его состав языки демонстрируют ряд общих черт (отсутствие инфинитива, артикль в постпозиции и т. д.), которые нельзя объяснить их генетическим родством.

Хотя наличие общих черт в структуре балканских языков не вызывает сомнения, возникает вопрос: что стало причиной подобного сходства? Прежде всего, является ли оно случайным совпадением в ходе независимого развития этих языков или результатом языковых контактов? А также в чем именно заключалась контактная ситуация, приведшая к формированию так называемого балканского языкового союза (БЯС).

Тот факт, что общие черты были обнаружены в языках, носители которых проживают на достаточно компактной территории, при этом сами эти языки относятся к различным группам внутри индоевропейской семьи (славянские, романские, греческий, албанский), позволяет предположить, что речь все же идет о некотором виде языковых контактов, а не просто случайном совпадении и параллельном развитии.

Б. Джозеф (Joseph 1983: 193) разделяет существующие теории о появлении балканизмов на три группы: влияние одного балканского языка на остальные балканские языки; влияние субстрата, то есть языка исконного населения Балканского полуострова; схождение языков.

Гипотеза, связывающая общие черты в балканских языках с тем, что все они в определенный период времени находились *под влиянием одного языка*, высказывалась неоднократно. Такое объяснение было предложено, например, К. Сандфельдом (Sandfeld 1930), который относил общность балканских языков на счет влияния греческого языка, имевшего большое культурное значение в этом регионе. Хотя влияние греческого языка как языка церкви и администрации на Балканах не вызывает сомнения, однако важную роль в период, предшествовавший турецкому завоеванию, также играли и славянский и романский элементы, что, несомненно, нашло отражение в формировании БЯС. Поэтому в большинстве недавних работ по балканистике гипотеза о едином источнике балканизмов была отвергнута. В частности, Й. Линдстедт (Lindstedt 2000) в своей обзорной статье подробно рассматривает все аргументы «за» и «против» и также приходит к выводу, что вряд ли существовал единый язык-источник.

Предположение, что на Балканском полуострове существовало **автохтонное население**, язык которого стал источником всех или многих балканизмов, а впоследствии был утрачен, было высказано уже Ф. Миклошичем, который говорил о фракийском или ил-

лирийском субстрате. Однако, как отмечает, в частности, Б. Джозеф (Joseph 1983), заселение Балкан греками произошло задолго до предположительного времени формирования БЯС, и, следовательно, автохтонное население должно было либо раствориться в греческом населении, либо сосуществовать рядом с ним в течение почти тысячелетия, что никак не подтверждается документальными или археологическими свидетельствами.

В третьей группе гипотез сходство между балканскими языками объясняется *особенностями контактной ситуации*, сложившейся к середине прошлого тысячелетия на Балканах.

Уже в очень ранний период Балканский полуостров стал конечной точкой одного из основных направлений миграции, поскольку Дунай, судоходный летом и замерзающий зимой, никогда не представлял серьезного препятствия для мигрантов. Кроме того, Балканы нередко служили убежищем для этнических и религиозных групп, не принятых у себя на родине (Eeckante-Bardery 1998).

По мнению В. Георгиева (Georgiev 1968), подлинная основа лингвистической общности на Балканском полуострове была заложена в период греческой колонизации, а также во время последующей экспансии Македонии и позднее в эпоху Римской и Византийской империи. Й. Превелакис (Prevelakis 1994) также говорит о том, что римское завоевание привело к политическому объединению Балканского полуострова, и в результате в этот период латынь и греческий, пользующиеся большим культурным престижем, оказывали значительное влияние и нередко вытесняли языки местного населения. Благодаря появлению дорог и городов на пересечении этих дорог, Балканы стали доступны для людей, товаров и идей, что привело к распространению языка и культуры эллинизма.

После ухода римских легионов из Дакии в 275 г. н. э., к югу от Дуная были созданы новые провинции *Dacia Ripensis* и *Dacia Mediterranea*. В 379 г. при императоре Грациане Дакия, Македония и Южная Далматия стали частью Восточной Римской империи (Georgiev 1968). Раздел Римской империи и появление Византийской империи способствовали распространению влияния греческого языка, а близость новой столицы Константинополя к Балканскому полуострову способствовала повышению военной, политической и экономической важности полуострова.

Очень вероятно, что уже в глубокой античности под влиянием греческого языка и латыни сложился лингвистический союз, ядром которого были фракийский, дакийский, фригийский, а периферией македонский и иллирийский. К этой многоязыковой полу-эллинизированной, полулатинизированной основе позднее добавились славяне, а впоследствии турки.

В Византийской империи славяне нередко участвовали в крупных миграциях и принимали активное участие в экономическом обмене, что неизбежно приводило к интенсивному межъязыковому общению. Способствовало этому и разделение различных племен по ремеслам.

С этого времени, и особенно в период Османской империи, началось активное взаимовлияние между балканскими языками. В Османской империи население было разделено на так называемые *милеты* по религиозному, а не национальному признаку, что также способствовало межъязыковым контактам. В империи не существовало единого языка общения, однако несомненным престижем пользовался греческий язык, язык культуры и православной церкви (Sugar 1977). Население было разделено по социальным и религиозным признакам, в то же время этническая принадлежность не принималась во внимание, а ее выражение даже осуждалось как представляющее опасность для имперского универсализма и единства церкви (Prevelakis 1994). В результате существенная часть населения империи в определенной степени владела как минимум двумя языками, а некоторые и тремя-четырьмя.

Большое значение для формирования языкового союза играл и кочевой образ жизни населения. Связано это было с ограниченными сельскохозяйственными ресурсами горного региона, которые вынуждали его обитателей заниматься пастушеством. Подобные пе-

ремещения способствовали культурному единообразию на всем полуострове, поскольку вместе с кочевниками распространялись и элементы материальной культуры и фольклор.

Таким образом, географические особенности, политическая ситуация, общественная и религиозная структура и кочевой образ жизни способствовали интенсивному смешению населения Балкан. Результатом этого стал значительный процент личного двуязычия жителей Балканского полуострова, по-видимому, лежащий в основе формирования БЯС.

Каковы же были механизмы языковых изменений, результатом которых стало схождение балканских языков и формирование общих структурных особенностей?

Хорошо известно, что когда в одном месте в одно время используется несколько языков, возникает ситуация языковых контактов, в результате которой в этих языках могут произойти определенные изменения, связанные с взаимным влиянием между ними.

Наиболее очевидным примером подобных изменений являются лексические заимствования. Вопрос о возможности структурных заимствований долгое время оставался предметом дискуссии. Э. Сэпир и А. Мейе утверждали, что хотя языковые контакты могут оказать влияние на морфологию, это влияние вряд ли может быть глубоким. Синтаксические же заимствования, по их мнению, были невозможны. Впоследствии было признано, что последствия языковых контактов могут проявляться не только в лексике, но и в синтаксисе, морфологии и фонологии. Высказывались даже предположения, что вряд ли существуют какие-либо существенные лингвистические ограничения на интерференцию (Tomasson 2000a: 63).

Более продуктивным представляется различие между двумя типами заимствований в зависимости от направления изменений: из родного в иностранный или из иностранного в родной. В первом случае говорящие переносят на иностранный язык особенности своего родного языка (так называемый акцент), во втором же случае изменениям подвергается родной язык говорящих от постоянного контакта с иностранным языком (характерным примером является речь иммигрантов).

Ф. Ван Кутсем (Van Coetsem 1988), который говорит соответственно о «наложении» (imposition) и «заимствовании» (borrowing) предположил, что в обоих случаях речь идет о стремлении сохранить то, что он называет «структурой языка». В ситуации заимствования структура родного языка сохраняется естественным образом, а заимствованные слова в большинстве случаев фонологически и морфологически адаптируются к структуре языка. При наложении же структура родного языка «накладывается» на иностранный язык. Часто это связано с недостаточным владением иностранным языком.

Нетрудно заметить, что если в первом случае изменения затрагивают прежде всего лексику и только потом фонологию, морфологию и синтаксис языка, во втором случае сначала оказывается затронут именно структурный компонент языка.

С. Томассон и Т. Кауфман (Tomasson, Kaufman 1988: 37) проводят аналогичное различие между «заимствованием» (borrowing) и «влиянием субстрата» (substratum influence)¹. Они определяют заимствование как включение иностранных черт в язык группы носителями данного языка, в результате чего язык сохраняется, однако подвергается изменениям благодаря добавлению новых черт. Раньше всего заимствуется лексика. Томассон и Кауфман указывают на то, что для более глубоких структурных заимствований, разумеется, необходимо в течение достаточно длительного времени ~~распространенный~~, хотя и необязательно всеобщий билингвализм среди носителей языка, в который осуществляется заимствование.

«Влияние субстрата», по определению Томассон и Кауфманн, — это один из видов интерференции, который возникает в случае неполного усвоения языка при смене языка. Ошибки, которые неносители совершают в новом языке, затем распространяются на

¹ В более поздних работах С. Томассон использует термин «изменение под влиянием контактов» (contact-induced change).

весь этот язык, поскольку их начинают повторять и те, для кого данный язык был родным. В этом случае изменения прежде всего затрагивают фонетику и синтаксис.

С каким же из видов языковых контактов мы имеем дело в ситуации языковых союзов?

В литературе нередко цитируется замечание С. Томассон и Т. Кауфмана (Tomasson, Kaufman 1988: 95), что «языковые союзы известны своей запутанностью». В условиях языкового союза сложно говорить о едином направлении интерференции. Георгиев (Georgiev 1968) характеризует языковой союз как «развитие в сторону интеграции, остановившееся на полпути». Он считает, что именно так можно объяснить общие особенности, их неравномерное распределение по языкам, сходство и разнообразие.

Говоря о языковых изменениях, прежде всего необходимо понять, почему в конкретной ситуации коммуникации носитель языка делает выбор в пользу той или иной структуры. Эту точку зрения высказывали, в частности, Р. Ле Паж (Le Page, Tabouret-Keller 1985).

Каждый носитель языка в детстве усваивает определенный набор элементов и правила их сочетания, необходимые для передачи определенного значения, которые я в дальнейшем буду условно называть «грамматика». Не раз высказывалось предположение о том, что грамматики собеседников могут быть различными, и, возможно, это различие в дальнейшем приводит к изменениям сначала на уровне речи, а затем на уровне языка. Не случайно основными механизмами языковых изменений на данный момент почти всеми признаны переразложение и аналогия. В таком случае переразложение можно представить как различную сегментацию речевого потока со стороны слушающего и со стороны говорящего. Подобная ситуация обычно возникает, когда исконная сегментация неясна или имеет место нерегулярность. Различная сегментация может стать причиной недопонимания и быть устранена в ходе дальнейшего разговора. В то же время, если различная сегментация не имеет непосредственной связи с различиями в значении, расхождения в грамматиках собеседников могут сохраниться. В дальнейшем изменения по аналогии могут привести к дальнейшим расхождениям.

Очевидно, что хотя эта модель справедлива и для двух собеседников, имеющих общий родной язык, вероятность того, что исконная сегментация для одного из собеседников будет неясна, возрастает в том случае, если хотя бы для одного из них язык, на котором осуществляется коммуникация, не является родным. В этом случае, скорее всего, собеседник, говорящий на иностранном для себя языке, в случае неясности исконной сегментации будет использовать принципы сегментации, принятые в его родном языке, что на уровне поверхностной структуры приведет к появлению «акцента» или «наложению», описанному выше. В то же время второй собеседник может также использовать в своей речи элементы языка другого, сегментируя их по правилам своего родного языка, что приведет к появлению «заимствований», также описанных выше.

Очевидно, что в процессе коммуникации подобные расхождения в сегментации могут служить причиной недопонимания, однако можно ожидать, что при длительном контакте собеседники выработают некоторую общую третью систему, которая позволит им в большинстве случаев обеспечивать адекватное восприятие сообщаемой информации. В определенной ситуации подобной системой может стать пиджин или креол, т. е. система, отличная от родных языков обоих собеседников. Однако можно себе представить и иной вариант развития событий. Если оба собеседника владеют в некоторой степени языками друг друга, то альтернативным способом облегчения коммуникации может быть выработка общих правил сегментации.

Подобный процесс описывал В. Ю. Розенцвейг (1972), определивший его как конвергенцию или ассимиляцию свойств означаемого и означающего, а также правил их использования, которую исторически можно считать результатом контактов. При схождении, согласно Розенцвейгу, возникает третья система, которая включает означаемые, общие для обеих систем, а также общие правила перехода от этих означаемых к соответствующим означающим.

Поскольку, как отмечает Б. Джозеф (Joseph 1983), на Балканах отсутствовал единый язык общения, необходимо было выработать иные стратегии, результатом которых стало развитие общих структурных черт, облегчающих переход с одного языка на другой.

На то, что одни и те же языковые отношения выражаются в языках БЯС одинаковыми средствами, указывала ранее и Т. В. Цивьян (1968: 807). Она также предлагает модель схождения и говорит о кальках, вырабатывающихся при межъязыковых контактах. Во время этих контактов каждый собеседник может либо переносить в чужой язык грамматические модели родного языка, либо использовать иноязычные обороты согласно правилам грамматики своего языка. В результате, по мнению Цивьян, вырабатываются достаточно общие, несложные и легко распознаваемые конструкции.

На примере анализа местоименного повтора в балканских языках В. Фридман (Friedman 1994) показал, как стремление к более эффективной коммуникации между многоязычными носителями ведет к появлению балканизмов. Рассматривая местоименный повтор в балканских языках, В. Фридман отмечает, что свободное варьирование в одном языке может быть грамматикализовано в другом. Он высказал предположение, что балканизмы возникли как грамматикализация факультативных вариантов, наиболее подходящих для успешной коммуникации.

О тенденции к четкому обозначению грамматически функциональных слов, опознаваемых в каждом языке, говорит и Й. Линдстедт (Lindstedt 2000). В частности, синтаксические расхождения между языками решались аналитическими средствами, поскольку межъязыковая идентификация аналитических структур проще, чем между флективными категориями. Все языки, по мнению Линдстедта, сходились в сторону абсолютной межъязыковой узнаваемости синтаксических структур в отношении функциональных слов и порядка слов, которая, разумеется, никогда не была полностью реализована. В то же время подобный структурный параллелизм в каждом языке реализуется на собственном материале. Как предполагает Й. Линдстедт, хотя жители Балкан были достаточно знакомы с языками своих соседей и поэтому на Балканах не возник пиджин или креол, существующий «каркас» для контактного языка был реализован на различном лексическом материале в разных языках. Основным механизмом в этом случае, согласно Линдстедту, была интерференция в сознании многоязычных индивидуумов.

Таким образом, несмотря на расхождения по частным вопросам, авторы недавних работ по балканистике сходятся во мнении, что двуязычие/многоязычие жителей Балкан привело к развитию общих или аналогичных языковых структур, реализуемых на различном языковом материале. Можно предположить, что схожие конструкции позволяли избежать различной интерпретации («сегментации») речи разноязычными собеседниками и тем самым способствовали более успешной коммуникации. Важно отметить, что скорее всего подобное схождение языков не было направленным: общие синтаксические конструкции развивались в ходе естественного развития языков.

Приведенные примеры относились к синтаксису и морфологии языков БЯС. Что же касается фонетических балканизмов, то здесь пока еще не существует подобной модели. Сам вопрос о существовании фонетических балканизмов остается открытым. В обширной библиографии по этой теме предлагаются различные списки балканизмов, ни один из них, однако, не является общепринятым, и все они в целом являются либо слишком общими особенностями, характерными не только для языков БЯС, либо присутствуют не во всех балканских языках. Наиболее подробный обзор фонетических балканизмов содержится в монографии И. Савицкой (Sawicka 1997), в которой подробно обсуждаются существующие сходства и различия в фонетике балканских языков.

Прежде всего многими отмечается сходство артикуляторной базы языков БЯС (Naganeck 1933; Georgiev 1977; Симеонов 1977). Под артикуляторной базой в данном случае понимается не только и не столько инвентарь фонем, сколько особенности их фонетической реализации. Так, например, в то время как различение трех рядов смычных согласных (губные, переднеязычные и заднеязычные) характерно для большинства индо-

европейских языков и, разумеется, не является балканизмом, заслуживает внимание сходство фонетической реализации этих согласных в языках БЯС. Как отмечает Георгиев, благодаря этому сходству носители балканских языков могут говорить на других балканских языках почти без акцента. К сожалению, эти замечания основываются на личном впечатлении авторов и не были проверены экспериментально. Практически полное отсутствие экспериментальных данных в области артикуляторной фонетики балканских языков также не позволяет объективно оценить степень схождения, а также то, насколько артикуляторные характеристики звуков в балканских языках отличны от, например, романских или небалканских славянских языков.

Среди балканизмов в области вокализма наиболее часто называют систему из 5 гласных, отсутствие фонологической долготы, а также так называемую «редукцию безударных гласных» и наличие гласного среднего ряда в ударной позиции.

Система гласных, состоящая из пяти элементов *i, e, a, o, u*, в которой огубленность и ряд находятся в однозначном соответствии, действительно характерна для ряда балканских языков, в частности новогреческого и некоторых македонских говоров. В данном случае речь идет о гласных, противопоставленных в позиции под ударением, об особенностях безударного вокализма будет сказано ниже. В большинстве болгарских говоров, румынском и албанском к пяти кардинальным гласным добавляется также гласный среднего ряда [ə].

Тем не менее, как отмечает, например, И. Савицкая (Sawicka 1997: 14–17), в некоторых диалектах румынского языка (дако-румынский, арумынский) оппозиция по подъему может включать до 5 гласных. В северных албанских диалектах существуют носовые гласные. С другой стороны, подобная система не является специфичной для балканских языков и встречается в других индоевропейских языках, например, в итальянском или русском (где к 5 гласным добавляется гласный среднего ряда [i]).

Хотя гласный среднего ряда [ə] присутствует во многих индоевропейских языках, в большинстве случаев его дистрибуция ограничена безударными слогами (например, в английском языке). В то же время, как уже было сказано выше, в некоторых языках БЯС этот гласный возможен также и в ударной позиции. Помимо перечисленных выше языков, средний гласный в ударной позиции присутствует также в юго-восточных говорах сербохорватского языка, а также в греческих диалектах в Малой Азии. П. Ивич (Ivic 1968) связывает это с влиянием соседних языков, соответственно болгарского и македонского, в первом случае и турецкого во втором. В. Георгиев (Georgiev 1977) также отмечает, что средний гласный отсутствовал в латыни, однако был в древнеболгарском, где он развился из индоевропейского *u. Фонологический статус этого гласного рассматривается, в частности, в статье Л. Н. Каминской и Ю. А. Клейнера (в печати).

Долгота гласных в балканских языках не имеет фонологической функции (кроме североалбанских и ряда сербохорватских диалектов). Кроме того, в балканских языках (кроме румынского) отсутствуют дифтонги.

Отдельного внимания заслуживает безударный вокализм балканских языков. В ряде балканских языков дистрибуция гласных связана с позицией ударения. Так, при морфонологических чередованиях [o] и [e] в ударной позиции соответствует [u] и [i] в безударной. Исконные [u] и [i] в позиции без ударения могут быть полностью утрачены. Так происходит во многих болгарских говорах, некоторых македонских говорах и северных диалектах греческого языка. В румынском языке редукция гласных отражается в орфографии: *pot* ‘могу’ – *putem* ‘можем’ (Feuillet 1986). Кроме того, в литературном болгарском [a] под ударением чередуется с [ə] в позиции без ударения, в то же время [o] и [e] могут находиться как в ударной, так и в безударной позиции. Развитие вокализма албанского языка также тесно связано с позицией ударения. В протоалбанском безударные гласные в различных позициях были редуцированы или полностью утрачены: в позднем протоалбанском безударный [a] в конце слова перешел в [ə], в то время как другие безударные гласные были утрачены: *skála: ‘рыбная кость’ > *skála > *halë*, *dáusas ‘баран’ > *dauš > *dash*. Преду-

дарные гласные подверглись редукции, особенно это касается латинских заимствований: *kështër* ‘христианин’ ← лат. *christianus*. Важно отметить, что поскольку в протоалбанском [o] отсутствовал, в предударной позиции в латинских заимствованиях он обычно заменялся на [u]: *kumerq* ‘подать’ <= лат. *commercium* ‘торговля’ (Orel 2000: 21–22). По мнению Георгиева (Georgiev 1977) этот процесс может быть сопоставлен с описанными выше процессами в славянских языках. Надо отметить, однако, что в данном случае речь идет о периоде не позднее VI — VII вв. н. э., когда уже можно говорить о первых контактах протоалбанского и славянских и романских языков. В то же время формирование БЯС как такового традиционно относят к более позднему времени.

Таким образом, в области вокализма все балканские языки характеризуются системой из относительно небольшого числа гласных, дистрибуция которых отчасти связана с местом ударения.

В области консонантизма, помимо уже упомянутой общности артикуляторной базы, к фонетическим балканизмам нередко относят схожий инвентарь фонем, утрату геминат, наличие аффрикат, а также особое функционирование сочетаний носовой + смычный.

Во всех балканских языках отсутствует противопоставление долгих и кратких согласных. Геминаты встречаются очень редко, главным образом на морфемной границе. И. Савицкая (Sawicka 1997: 32) называет отсутствие геминат «несомненной балканской чертой».

Система согласных во всех балканских языках включает смычные согласные p/b, t/d, k/g (фонологический статус звонких смычных в ряде балканских языков остается под вопросом), щелевые f/v, s/z, а также сонанты m, n, l, r, j. Как замечает И. Савицкая, подобная система согласных присутствует также в целом ряде других индоевропейских языков и вряд ли может быть признана собственно балканской. В отдельных работах по фонетике БЯС приводятся и другие наблюдения, касающиеся конкретных согласных. В частности, ни в одном балканском языке нет губного сонанта [w]. Среди согласных, общих для всех балканских языков, нередко называются [h], [f], [ɣ].

Во многих балканских языках присутствуют палатально-альвеолярные согласные [ʃ], [ʒ], [tʃ] и [dʒ], а также среднеязычные смычные [ç] и [j]. Ивич отмечает, что почти во всех диалектах есть хотя бы два из трех согласных [ts], [tʃ], [ç]. Он называет эти согласные «выдающимся нововведением», поскольку они отсутствовали в латыни и греческом, доминировавших на Балканах к концу античного периода, и, соответственно, являются результатом более позднего развития в результате палатализации и йотизации.

Кроме того, среди особенностей балканских языков нередко называют наличие оппозиции так называемых твердых и мягких согласных. Происхождение мягких согласных в балканских языках различно: в румынском они возникли в результате упрощения дифтонгов ea > e, в болгарском и македонском — как рефлекс общеславянского краткого гласного, в греческом — из сочетания согласного и краткого [i]. На фонетическом уровне этот процесс также не всегда завершен, например в румынском языке гласный элемент нередко сохраняется.

И. Савицкая (1997) предлагает свою классификацию балканских языков на два типа: с богатым и бедным консонантизмом. К первому типу относятся болгарские, румынские, греческие диалекты. Для языков этого типа помимо большего числа согласных также характерны редукция гласных и палатализация согласных. Область богатого консонантизма характеризуется ассимилирующим типом произношения, который Савицкая связывает с восточнославянскими языками. При ассимилирующем типе произношения артикуляция, по ее определению, является нечеткой и границы между соседними сегментами могут быть размытыми, что ведет к ассимиляциям и нейтрализациям. В то же время при неассимилирующем типе произношения соседние сегменты четко отделены друг от друга и редко подвергаются изменениям под влиянием контекста. Два типа произношения также соответствует разделению на языки с сильным, морфологически закрепленным ударением и так называемым «музыкальным» ударением.

Отдельное внимание заслуживает функционирование сочетаний носовой + смычный (в дальнейшем NT), а именно $\langle nt/np/нк \rangle$ в особенности в юго-западной части балканского ареала. Озвончение смычных согласных после носовых было отмечено еще К. Сандфелдом, который объяснял наличие этого процесса в языках БЯС влиянием греческого языка. И. Савицкая (1997) посвящает этим сочетаниям целую главу и отмечает, что их функциональная эквивалентность наиболее четко выражена в греческом и албанском языках, которые, по ее мнению, оказали большое влияние на соседние диалекты.

В то время как происхождение этих сочетаний в различных балканских языках связано с различными историческими процессами³ (изменение структуры слога, выпадение безударного гласного), возможно, не имеющими отношения к формированию БЯС, несомненно, описанные особенности их функционирования еще раз подтверждают высокую степень ассимилятивности в балканских языках, о которой уже говорилось выше.

Таким образом, балканские языки имеют схожие системы консонантизма, которые, однако, не являются уникальными только для этой области. Их отличительной особенностью также является высокая степень ассимилятивности, выражающаяся, в частности, в особом функционировании сочетаний носовой + смычный, а также становлении оппозиции мягких и твердых согласных.

Выше уже говорилось о том, что долгота гласных и согласных в балканских языках не является фонологической. За исключением сербохорватского языка, в балканских языках также отсутствует различие нескольких типов слоговых акцентов. Таким образом, как отмечает Ивич (1968), в большинстве балканских языков на уровне просодии слова смыслоразличительную функцию имеет только место ударения. Так обстоит дело в румынском, болгарском, греческом, южно-албанском, южно-македонском и некоторых западных диалектах сербохорватского. Противопоставление нескольких типов акцентов было утрачено и в ряде сербохорватских диалектов, что Ивич (1968) связывает с влиянием румынского или албанского языков.

Подвижность ударения в балканских языках нередко ограничена на основе как фонологических, так и морфологических критериев. Крайним случаем являются западные македонские диалекты, где место ударения остается постоянным и соответственно не имеет смыслоразличительной функции. В греческом, албанском и румынском языках ударение не может стоять дальше третьего слога от конца (и именно на этом слоге оно закреплено в литературном македонском). Кроме того, в болгарском языке ударение остается неподвижным в глагольной парадигме в пределах одного времени; в греческом в глагольной парадигме ударение стоит как можно дальше от конца слова; в румынском языке в именном склонении ударение также падает на один и тот же слог. На основании всего этого Ж. Фейе (Feuillet 1986) делает вывод, что ударение в балканских языках можно предсказать в формах слова, однако не в самом слове. Иначе говоря, ударение участвует в создании лексического контраста, однако не является средством формообразования.

Таким образом, сходство между балканскими языками в области фонетики выражено менее явно, чем в области синтаксиса. Хотя фонетические системы различных балканских языков имеют много общего и в том, что касается фонологических оппозиций, и в том, что касается фонотактики и просодики, однако ни одна из этих особенностей не является специфичной именно для балканских языков. Среди возможных балканизмов наиболее общепризнанными являются гласный среднего ряда в ударной позиции, правила редукции гласных, а также высокая степень ассимиляций и особенности функционирования сочетаний носовой + смычный. Кроме того, неоднократно отмечалось сходство в фонетических характеристиках согласных и гласных в балканских языках.

Разумеется, как и в синтаксисе, не все отмеченные явления в равной мере присутствуют во всех балканских языках, тем не менее можно говорить об изоглоссах, не совпадающих с генеалогическими границами и, видимо, являющихся результатом контактов.

³ См. также: Лукина 2003.

Интересно отметить (см. также Feuillet 1986: 45), что формулировка большинства общих черт в фонетике балканских языков включает в себя отрицание: «отсутствие фонологической долготы гласных», «отсутствие геминат», «отсутствие дифтонгов». Более того, складывается впечатление, что характерной особенностью фонетических систем балканских языков является как раз отсутствие «характерных» или более редких явлений, как, например, носовых гласных, дифтонгов, противопоставления нескольких типов слоговых структур и так далее. Применительно к просодической структуре балканских языков П. Ивич также отмечает упрощение системы, а именно утрату противопоставления долгих и кратких гласных и нескольких типов слоговых акцентов в славянских языках, которую он связывает с билингвизмом. Характерно, что многие из перечисленных явлений существовали в одном или нескольких балканских языках на более ранних стадиях их развития и впоследствии были утрачены.

Возвращаясь к механизмам формирования БЯС и языковой интерференции, как указывают, например, Томассон и Кауфман (Tomasson, Kaufman 1988: 42), просодические особенности родного языка часто сохраняются в речи на иностранном языке. Однако и в этом случае необходимо различать разные типы контактов. Так, при заимствовании носители сохраняют просодические особенности родного языка в том случае, если они не усвоили особенности иностранного языка. В то же время иммигранты, которым удалось овладеть иностранной моделью, могут так часто использовать их в иностранном языке и так редко пользоваться моделями родного языка, что в результате происходит подмена просодической модели родного языка моделью, заимствованной из иностранного языка.

Существует целый ряд исследований и классификаций звуковых изменений в ситуации языковых ~~изменений~~, например, классическое исследование У. Вайнрайха (Weinreich 1953), экспериментальное исследование Д. Фледжа (Flege 1987), уже упоминавшееся выше исследование Ф. Ван Кутсема (~~van~~ Coetsem 1988), сборник, посвященный интерференции звуковых систем Кафедры фонетики ЛГУ (Бондарко 1987), обзорная статья Л. В. Бондарко об интерференции в синхронии (Bondarko 2000), а также обзорная статья П. Кипарского о фонологии и диахронии контактов (Kiparsky 2003).

Однако в основном в них рассматривается контактная ситуация, в которой участвуют два языка. В то же время, как уже говорилось выше, в случае языкового союза мы имеем дело с разнонаправленными изменениями, в которых задействованы сразу несколько языков, так что традиционные типы фонологических изменений при контактах здесь могут оказаться неприменимы.

Обращает на себя внимание и тот факт, что отмеченное «упрощение» фонологических систем балканских языков сходно с процессами, которые имеют место при образовании контактных языков. В частности, многие пиджины демонстрируют сходную простую систему гласных и согласных, а также низкую вариативность правил. По мнению П. Мюльтхойслера (Mülthäusler 1986: 151) это обеспечивает максимальную четкость коммуникации в ситуации межязыкового общения. С. Томассон и Т. Кауфман также говорят о том, что в пиджине обычно сохраняются только те маркированные черты, которые присутствуют во всех контактирующих языках или большинстве их.

Д. Охала (Ohalo 1989; 1993; 1995; 2003) предположил, что в основе языковых изменений лежит гипокоррекция или гиперкоррекция. Под гиперкоррекцией Охала имеет в виду тот случай, когда слушатель ошибочно принимает фонологические признаки за фонетические, обусловленные влиянием контекста. Соответственно при гипокоррекции, напротив, фонетический признак воспринимается как фонологический (например, назализация гласных считается независимым признаком, а не воздействием последующего носового сонанта).

Если представить себе речевой сигнал как своего рода «партитуру», состоящую из различных артикуляций, очевидно, что их границы не всегда будет совпадать. ~~Например, [pin] может быть представлено следующим образом (Goldsmith 1976):~~

Губы:	...сжать	раскрыть
Язык:	...высоко-вперед	дотронуться до неба
Мягкое небо:	...поднять	опустить

Чтобы получить последовательность из ~~трех~~ сегментов, эту «партитуру» необходимо «вертикально нарезать», по выражению Д. Голдсмита, на «психологически, а значит фонологически реальные сегменты». Нетрудно заметить, что при этом часть артикуляционного жеста, «вышедшая» за границу сегмента, в терминах сегментной фонологии может быть описана как «коартикуляция». Изменение границ при подобной сегментации и последующая подмена фонетических признаков фонологическими и наоборот могут быть уподоблены соответственно переразложению и аналогии в морфологии или синтаксисе.

Очевидно, что и на уровне фонологии эти процессы имеют место в тех случаях, когда истонные границы стираются или неизвестны одному из собеседников, а значит наиболее вероятны в ситуации межъязыкового общения.

Таким образом, сходство фонетических систем языков БЯС, описанное выше, можно объяснить механизмом схождения, о котором говорилось в начале этой статьи.

О характере связей между балканскими языками говорят и лексические заимствования, направление которых иногда определить проще, чем при морфологических или фонетических заимствованиях.

Основными источниками лексических заимствований в балканских языках являются греческий, турецкий и балканская латынь. Греческий язык пользовался существенным культурным престижем на Балканах в связи с распространением христианства, а позднее деятельностью фанариотов и являлся источником для существенной части общеславянской лексики. Заимствования из латыни нередко попадали в остальные балканские языки через греческий, во время турецкого завоевания распространились также итальянские заимствования. Романских заимствований больше всего в албанском и румынском далматском и меньше всего в славянских языках.

Славянских заимствований больше всего в румынском, а также в албанском языке, где они по количеству занимают второе место после романских. Меньше всего славянских заимствований в греческом языке, ~~в основном~~ в северных диалектах. Албанских заимствований в языках БЯС отмечено мало, в основном в румынском языке.

Подобное распределение заимствований может пролить свет на характер взаимоотношений между носителями языков БЯС. В частности, незначительное число албанских заимствований позволяет предположить, что албанский ~~оказывал~~ меньше всего влияния и чаще всего находился под влиянием других языков, т. е. албанский язык реже выступал как иностранный или второй язык в ситуации билингвизма, и поэтому изменения в албанском языке скорее можно связывать с ситуацией «заимствования». В то же время греческий язык наиболее часто выступал в роли иностранного языка и таким образом был наиболее часто подвержен влиянию субстрата, т. е. в данном случае скорее можно говорить о «наложении». Учитывая особенности греческой литературной традиции и формирования литературного греческого языка в начале XIX в., можно предположить, что большинство изменений, происходивших в «балканском» греческом, на котором говорили, например, балканские славяне, не нашло своего отражения в текстах и, таким образом, на данный момент являются утраченными. В то же время анализ диалектов показывает, что в диалектах тех районов, где греческое население находилось в постоянном контакте со славянским, помимо общегреческих балканизмов, отмечаются и другие, например редукция гласных⁴. Напротив, в юго-восточных диалектах в областях, входивших в средиземноморскую, а не балканскую зону языковых контактов, сохранился ряд более древних особенностей, например двойные согласные, что еще раз подтверждает гипотезу о том, что балканизмы являются результатом контактов.

⁴ О статусе греческого языка в балканском языковом союзе см. (Лукина 2004).

Таким образом, можно предположить, что изменения, произошедшие в языках БЯС, непосредственно связаны со статусом каждого конкретного языка в системе политических и социальных взаимоотношений на Балканах, причем более высокий уровень «балканизистичности», видимо, связан с большей степенью билингвизма среди носителей этого языка. Разумеется, учитывая отсутствие достаточных данных о диахронии и диалектологии балканских языков, нельзя забывать и о том, что в основе создания современных литературных языков лежали различные принципы, и поэтому современный язык может не в полной мере отражать изменения, происходившие в данном языке в период существования Балкан как единого социально-экономического пространства.

Заключение

Таким образом, основную роль в формировании балканского языкового союза играло двуязычие населения Балкан в период существования Османской империи и после ее падения, вплоть до формирования балканских наций и национальных языков. Взаимовлияние при этом шло как в сторону заимствования из иностранного языка в родной, так и как результат наложения системы родного языка на иностранный с последующей адаптацией изменения всеми носителями этого языка. Этот процесс затронул не только синтаксис и морфологию, но и фонетические системы балканских языков, результатом чего стало «упрощение» их фонологических систем и появление ряда «отрицательных» фонетических балканизмов.

Литература

- Бондарко Л. В., Вербицкая Л. В., Гордина М. В. и др. (ред.) Интерференция звуковых систем. Л., 1987.
- Клейнер Ю. А., Каминская Л. Н. Нейтральный гласный и неопределенная фонема (в печати).
- Лекомцева М. И. К типологии фонологических систем языков Балканского полуострова и Средиземноморья. Цивьян Т. В. (ред.) Балканский лингвистический сборник. М., 1977.
- Лукина А. А. Греческий как балканский язык. — Клейнер Ю. А. (ред.) Анклавный язык в составе языкового союза (фонологический аспект). Семинар I: Петербургское лингвистическое общество. Научные чтения—2004: Материалы (Приложение к журналу «Язык и речевая деятельность»). СПб., 2004.
- Лукина А. А. Об одном фонетическом балканизме. Актуальные вопросы балканского языкознания: материалы международной научной конференции. Санкт-Петербург, 29–30 мая 2001. СПб., 2003.
- Розенцвейг В. Ю. Языковые контакты, лингвистическая проблематика. Л., 1972.
- Симеонов Б. Общие черты фонологических систем балканских языков. Балканское языкознание. 1977. Vol. 20, No. 1–2.
- Цивьян Т. В. К проблеме построения грамматической модели языка посредника в системе балканского языкового союза. Actes du Premier Congrès International des Etudes Balkaniques et Sud-Est Européennes. Vol. 6: Linguistique. Sofia, 1968.
- Bondarko L. Language Contacts: Phonetic Aspects. — Gibbers D., Nerbome J., Schaechen J. (Eds). Languages in Contact. Amsterdam; Atlanta, 2000.
- Eeckante-Bardery D. Le Peuplement des Balkans: survol historique. — Eeckante-Bardery D. (Ed). Cahiers Balkaniques. No. 25: «Les oubliés des Balkans». Paris, 1998.
- Feuillet J. Cahiers Balkaniques. No. 10. La Linguistique Balcanique. Paris, 1986.
- Flege J. The Production of «new» and «similar» phones in a foreign language: evidence for the effect of equivalence classification. — Journal of Phonetics. 1987. Vol. 15.
- Friedman V. Variation and Grammaticalization in the Development of Balkanisms.
- Beals K., Denton J. et al. (Eds.). Papers from the 30th Regional Meeting of the Chicago Linguistic Society. Vol. 2: The Parasession on Variation in Linguistic Theory. 1994.
- Georgiev V. Le problème de l'union linguistique balkanique. — Actes du Premier Congrès International des Etudes Balkaniques et Sud-Est Européennes. Vol. 6: Linguistique. Sofia, 1968.
- Georgiev V. L'union Linguistique Balkanique. L'état actuel des recherches. — Балканско езикознание. 1977. Vol. 20, No. 1–2.
- Goldsmith J. An Overview of Autosegmental Phonology. — Linguistic Analysis. 1976. Vol. 2/1.

- Havranek B.* Zur Phonologischen Geographie (Das Vokalsystem des balkanischen Sprachbundes). — Archives Néerlandaises de Phonétique Expérimentale. 1933. Vol. 8–9.
- Ivic P.* Liens phonologiques entre les langues balkaniques. — Actes du Premier Congrès International des Etudes Balkaniques et Sud-Est Européennes. Vol. 6: Linguistique. Sofia, 1968.
- Joseph B.* The Synchrony and Diachrony of the Balkan Infinitive. A Study in areal, general and historical linguistics. — CUP. 1983.
- Kiparsky P.* The Phonological Basis of Sound Change. — *Joseph B., Janda R.* (eds.). The Handbook of Historical Linguistics. Oxford; Blackwell, 2003.
- Le Page R., Tabouret-Keller A.* Acts of Identity. Creole-based Approaches to Language and Identity. — CUP. 1985.
- Lindstedt J.* Linguistic Balkanization: Contact-induced change by mutual reinforcement.
- Gibbers D., Nerbome J., Schaechen J.* (Eds.). Languages in Contact. Amsterdam; Atlanta, 2000.
- Mülthäusler P.* Pidgin and Creole Linguistics. Blackwell, 1986.
- Muysken P.* Two Linguistic systems in Contact: Grammar, Phonology and Lexicon.
- Bhatja T. and Ritchie W.* (Eds.). The Handbook of Bilingualism. Blackwell, 2004.
- Ohala J.* The Perceptual Basis of Some Sound Patterns. — *Connell B., Arvaniti A.* (Eds.). Phonology and Phonetic Evidence. Papers in Laboratory Phonology IV. CUP. 1995.
- Ohala J.* Phonetics and Historical Phonology. — *Joseph B., Janda R.* (Eds.). The Handbook of Historical Linguistics. Blackwell, 2003.
- Ohala J.* Sound Change is Drawn from a Pool of Synchronic Variation. — *Breivik L., Jahr E.* (Eds.). Language; Contributions to the Study of its Causes. Mouton de Gruyter, 1989.
- Ohala J.* The Phonetics of Sound Change. — *Jones C.* (Ed.). Historical Linguistics: Problems and Perspectives. London, 1993.
- Orel V.* A Concise Historical Grammar of the Albanian Language: Reconstruction of Proto-Albanian. Leiden; Boston; Köln, 2000.
- Prevelakis G.* Les Balkans. Cultures et géopolitique. Paris, 1994.
- Sandfeld Kr.* Linguistique Balkanique: Problèmes et Résultats. Collection linguistique № 31. Paris, 1933.
- Sawicka I.* The Balkan Sprachbund in the Light of Phonetic Features. Warsaw, 1997.
- Sugar P.* South-Eastern Europe Under Ottoman Rule. 1354–1804. Washington, 1977.
- Thomason S.* Language Contacts: an Introduction. Washington, 2000.
- Thomason S., Kaufman T.* Language Contact, Creolization, and Genetic Linguistics. University of California Press, 1988.
- Van Coetsem F.* Loan Phonology and the Two Transfer Types in Language Contact. Dordrecht, 1988.
- Weinreich U.* Languages in Contact. New York, 1953.

Anastassia Loukina

Language Contacts and Phonetic Balkanisms

Among various hypotheses of the origins of the Balkan Sprachbund, the one most widely supported in recent studies on Balkan Linguistics is that the features common to the Balkan languages arose as a result of language contact. Due to socio-economic reasons, at a certain time period a considerable part of the Balkan population was bilingual or even multilingual. Misinterpretation or misunderstanding are more frequent when the speaker and the speaker and the listener represent different native languages, for they may use different rules to produce and analyse the utterance. Therefore, as suggested in a number of studies, in order to achieve a successful communication, the Balkan languages have developed a set of common structures realised individually in each language, which allowed smoother transition from language to language.

Although the existence of phonetic Balkanisms remains a matter of debate, most Balkan languages show a tendency towards assimilation and the loss of marked features such as vowel quantity and geminates. It should also be noted that vowel and consonant systems of the Balkan languages tend to lack any «marked» or «exotic» sounds. By contrast, Greek dialects that were not part of the Balkan Sprachbund have preserved or developed some of these features such as geminates.

This «simplification» of the phonological systems of the Balkan languages was the result of a process similar to the one that led to the development of common structures in morphology and syntax. It is also argued that the difference in distribution between phonetic and lexical Balkanisms in different languages of the Balkan Sprachbund can be explained by a different status of each language and the direction of language contact, that is by a language being more often a target language for borrowings (more lexical Balkanisms) or for imposition (more phonetic Balkanisms).